

– Верка, ну давай спрячемся, ну пожалуйста, – все подвывала Аня и в сотый раз дергала одноклассницу за рукав.

– Достала уже! – возмутилась Вера. – Если хочешь, то иди и прячься сама. Я в этот шкаф больше не полезу. Мне прошлого раза хватило. Потом чихала весь день. Пылищи там сколько! А у меня аллергия.

– Да все будет хорошо, Вер, – продолжала свою политику Аня. – Подумаешь, почихаешь чуть-чуть. Аллергия – это не смертельно. Я тоже, как кошку поглажу, чихать начинаю, и глаза слезятся. А потом все проходит. Зато прививки нам не поставят.

На самом деле Аня была гораздо трусливее своей подружки. Вновь залазить в пыльный шкаф ей тоже было страшно, но прививку она боялась еще больше. Поэтому весь урок математики она приставала к однокласснице. Для пущей наглядности чуть было слезу не пустила.

– Хорошо, хорошо, не ной только, – сдалась Вера. – На перемене спрячемся. Едва учительница вышла из кабинета, девочки, под насмешки своих одноклассниц, шмыгнули в шкаф и накрепко захлопнули створки.

– Вер, мне страшно, – в кромешной темноте, Аня начала шарить вокруг руками, пытаясь нащупать свою подругу. Крепко схватив Веру за плечо, девочка немного успокоилась. Так было всегда: Аня подбивала подружку на какие-то поступки, делали все вместе, а ответственность за все происходящее почему-то чувствовала одна Вера. На интуитивном уровне девочка понимала, что морально Аня слабее ее, что ее гораздо проще сломать. Да и сам Анин облик: милая, хрупкая, светловолосая курчавая девочка с огромными голубыми глазами, которые смотрели на мир с каким-то испугом, непониманием, как-будто она попала сюда случайно и совсем недавно. Стоило подружке поднять на Веру свои глазки и о чем-то ее попросить, как девочка тут-же таяла, буквально растекалась, как кисель по столу и с ней можно было делать все что угодно. Верина мама не раз отчитывала дочь за эту ее слабинку. Школьница и сама не понимала, почему всегда идет у Ани на поводу, почему сознательно танцует под ее дудочку.

Веру тоже было страшно, но она не говорила об этом подружке. Боялась еще больше ее напугать. Поэтому грозно прошептала:

– Трусиха! Ничего страшного здесь нет. А если темноты боишься, то нечего было в шкаф залазить.

Аня поняла, что ее подружке не страшно, от чего почувствовала увереннее и себя. Она громко шмыгнула носом и, поплотнее прижавшись к Вере, притихла.

В это момент в класс вошла медсестра.

– Девочки, давайте сверимся по списку и все вместе пройдем в медицинский кабинет, где вам поставят прививки от гриппа, – услышали Аня с Верой хрипловатый голос женщины.

– Какая она противная, – истерически подхихикнула Аня и тут же злобно продолжила: – Побегай теперь, поищи нас, дурра старая.

– Замолчи! – громко шикнула Вера. – Хочешь, чтобы нас услышали?

– Да не бойсь ты, ничего там не слышно, – усмехнулась Аня.

– Кто там? – неожиданно громко раздался возмущенный голос снаружи. – А ну-ка вышли оттуда, бестолочи!

– Юлия Борисовна, – испуганно зашептала Аня.

Девочки боялись даже пошевелиться, но кто-то уже начал дергать створку шкафа, которая почему-то не поддавалась.

– Видимо, заело, – услышали девочки растерянный голос Юлии Борисовны. – Как их теперь вытаскивать будем?

– А вот пусть там и сидят. Может, в мозгу немного проясниться, – озлобилась медсестра.

– Ну вот, допрыгались, – уже вслух произнесла Вера и во весь голос обратилась к возмущенным педагогам, еще не видимым, но очень хорошо слышимым, – Ща выйдем!

Вера попыталась раздвинуть створки, но у нее ничего не получилось. Хилые дверцы заклинило, словно кто-то держал их снаружи и не давал им даже пошевелиться.

– Кто там прикалывается!? – возмутилась девочка. – Кто держит двери!

– Никто, – почему-то спокойно ответила социальный педагог Юлия Борисовна. – Конечно, две такие кобылицы залезли и сидят там. Какой шкаф такое выдержит.

Девочки снаружи захихикали. Они частенько подсмеивались над пожилой женщиной, недавно отметившей 70-летие. Работа у нее была трудная, нервотрепки хватало. Своих детей Юлия Борисовна давно вырастила, сын и дочь разъехались по крупным городам. Жили они вдвоем с мужем, и все свое свободное время женщина посвящала работе,

неблагополучным детям, которых искренне жалела. Да и школьницы подсмеивались над ней беззлобно, по добром. Возраст, конечно, давал себя знать. Ее шустрости и активности мог позавидовать любой молодой, но вот высказывания порой выходили за рамки понимания нынешнего поколения, вызывая, если и не откровенные издевки, то кривые ухмылки.

Вот и сейчас она стояла, старательно создавая грозный вид, сжимая маленькие кулачки и потрясая ими в воздухе, возмущенно что-то выкрикивая. Но страха она не вызывала, только улыбки.

– Что случилось? – услышали Аня с Верой голос директора и сразу притихли, сжались в комок. Ее они искренне боялись, боялись и уважали. 45-летняя статная женщина, успешная как в карьере так и в семейной жизни, она всегда вносила легкий трепет в детские души. Громкий, поставленный голос повелевал и завораживал. Если она вела урок, то все слушали ее приоткрыв рты. Если она отчитывала девочек за провинности, то им сразу становилось искренне стыдно, многие даже плакали.

– Да вот, – словно оправдываясь, начала Юлия Борисовна. – Аня Золотухина и Вера Сметанникова в шкаф забрались, прививок забоялись. Двери заклинило, они выбраться не могут.

– Заклинило? – удивилась директриса и после небольшой паузы продолжила. – Вот пусть и сидят там. Сейчас позвоню их родителям на работу. Пусть они едут и вызволяют свои чада.

После этих слов Аню с Верой пробило в пот. Аня в голос завывала, запричитала как старая бабка:

– Марина Викторовна, выпустите нас, пожалуйста. Не надо папе звонить, он меня убьет. Вы же сами знаете, какой он у меня строгий. Даже разговаривать со мной не будет, сразу ремнем отстегает.

– И правильно сделает, – отозвалась директриса. – На его месте я поступила бы так же.

– Ну, пожалуйста! – еще громче зарыдала Аня. – Я больше так не буду. Буду себя хорошо вести, обещаю.

– Сколько раз я это слышала, – вздохнула Юлия Борисовна. – Только что толку от твоих обещаний. Все равно ты их никогда не сдерживаешь. Посидите теперь, подумайте над своим поведением.

– Марина Викторовна, вы не имеете права держать нас здесь! – уверенно проговорила Вера.

– Марина Викторовна ушла, – откликнулась социальный педагог. – А по поводу права... Я думаю, что она его очень даже имеет. Она отвечает за все школьное имущество, а вы его портите. Здоровые кобылицы залезли в шкаф, сломали створки. Кто платит за все это будет? Вы подумали? Ведь у нас каждая копейка на счету. За все приходится отчитываться.

Тут Аня вновь зарыдала:

– Ну, выпустите нас! Мне страшно! Я больше не могу здесь сидеть!

У Ани началась истерика. Она принялась остервенело бить по створке кулаками, истерически всхлипывая и что-то выкрикивая.

– Аня, успокойся! – засуетилась с той стороны шкафа социальный педагог. – Не убивайся ты так. Сама же видишь, что дверцы сломались. Как нам их открывать? Ты же знаешь, что в школе работают одни женщины, куда нам с дверью совладать.

– Не врите, что одни женщины, – визгливо закричала Аня. – А в дворниках кто у нас ходит? Этот, зять директорский. Посмотрите, может он выспался, наконец, да на работу соизволил явиться. Я здесь больше не могу сидеть. Сейчас ваш шкаф совсем сломаю. Делайте же что-нибудь!

– Зототухина, чего расшумелась? – раздался спокойный голос директора. – Бояться раньше надо было. Мозги то иногда включать можно. Теперь поздно панику поднимать. Открыть мы вас все равно не сможем. Отцу твоему я уже позвонила. Скоро он приедет и вытащит вас. А заодно и стоимость шкафа нам возместит.

– Зачем вы ему звонили? – вновь захныкала Аня. – Он же все равно не приедет. А мне потом от мачехи достанется. Особенно, когда она про деньги узнает.

– Еще раз повторяю, надо было думать об этом раньше, когда в шкаф залезать собралась. Привыкла, что тебе все с рук сходит. Но такого больше не повторится. Нужно уметь отвечать за свои поступки. А ты Сметанникова, чего молчишь. Я уверена, что это была твоя инициатива. Подружку сбаламутила и в кусты? Так не делается, Вера.

От обиды Вера до крови прикусила губу, но, как всегда промолчала. Аня промолчала тоже. Она лишь перестала всхлипывать, как-то резко притихла, притаилась. Как же было знакомо Вере это ноющее чувство обиды, эти грызущие изнутри черви невыплаканных слез, невыговоренных слов. Сколько раз ей доставалось из-за Ани! Сколько раз она выслушивала незаслуженные упреки. И ни разу не сняла с себя чужой вины, не попыталась защититься. Считала, что это будет предательством. Хотя она нередко задавалась вопросом: а разве Аня не предатель? Разве она не топчет их давнюю дружбу своими нечестными поступками? Вера думала об этом все чаще и чаще, но все же продолжала дружить с Аней, боялась ее потерять и по-прежнему дорожила их отношениями. Странная это была дружба, непонятная не для самой Веры, не, тем более, для ее мамы. Может быть, она просто жалела свою подружку с лицом ангела, а душой дьявола-искусителя? А может и сама попала под ее чары, которыми Аня могла окутать каждого.

Вот и сейчас на Веру легла вся ответственность за их общую шалость. Все считают виноватой именно ее, а не белокурую, милую Аню. Вера уже знала, что когда в очередной раз их будет отчитывать директор, то она будет смотреть только ей в глаза, только с нее она будет требовать ответ. А Аня будет стоять рядом, потупив взгляд, украдкой поглядывая на подружку, и в тысячный раз Вере покажется, что та просто насмехается над ней.

Буквально вчера ей сильно досталось от отца. Ему позвонила Анина мачеха. По ответным репликам отца и его резко вытянувшемуся лицу девочка поняла, что тетя Валя рассказывает ему о вчерашнем происшествии.

Аня с Верой любили проводить время в обществе Кати, воспитанницы детского дома. Она казалась им очень взрослой и самостоятельной и в их компании считалась главным авторитетом. Частенько девочка рассказывала о том, как, прогуливаясь по трассе, она садилась в шикарные автомобили и каталась с «крутыми дяденьками» по городу. Ани до дрожи в коленках хотелось повторить подвиг своей подруги. Опасность манила ее, а жажда приключений толкала вперед. Одной рискнуть на подобный шаг она не решалась и, по привычке, подбивала на это Веру. Но девочка никак не реагировала на провокации подружки, а лишь сильно злилась и обзывала Аню «дурой безголовой». Вера прекрасно понимала, чем могут закончиться подобные катания, и никогда бы на это не пошла, но... Тем вечером, покурив за гаражами, они пошли во двор. Когда девочки переходили

дорогу, рядом остановился автомобиль.

– Может, покатаемся, – криво улыбаясь, предложил им небритый дядька.

– Ты нас ни с кем не перепутал? – возмутилась Вера.

И тут ее ухо обожгло горячее Анино дыхание.

– Поехали, ну пожалуйста, – прошептала одноклассница.

Вера не успела ничего ответить. Аня со всех ног рванула к автомобилю, и ей ничего не оставалось, как пойти следом. Не могла она отпустить свою наивную голубоглазую подружку одну. На счастье, поездка закончилась благополучно. Дядька лишь выпросил у них номера телефонов и обещал позвонить. Аня была счастлива, а Вера очень на нее зла.

Но как могла об этом узнать тетя Валя? Наверное, их кто-то увидел, а Аня, по привычке, спихнула всю вину на Веру. Отец выпорол ее ремнем и запретил выходить на улицу, только до школы и домой. А Аня опять порхала довольная и счастливая, никакого наказания ей не последовало.

Из раздумий девочку вырвал сухой треск, от которого у нее заложило уши. Секунда – и двери шкафа распахнулись. На них смотрела счастливая физиономия дворника.

– Выметайсь, – смешно скомандовал он, и девочки, наконец, выбрались из шкафа, потные, грязные, в помятых юбках. Одноклассницы начали хохотать, а педагоги хором стыдить нашкодивших школьниц.

– Быстро ко мне в кабинет, – громко скомандовала директриса.

Аня опять завывала, а Вера лишь гордо вскинула подбородок и, схватив подружку за локоть, поволокла ее следом за Мариной Викторовной.

– Маленькие мерзавки! – заорала директриса, едва захлопнув за собой дверь кабинета.

– Как вам вообще в голову такое пришло? Позор какой! Взрослые девчонки, а ведете себя, как... как...

– Да чего мы такого сделали то? – не выдержала Вера. – Почему вы орете на нас?

– На вас не только орать надо, вас бить надо за такие выкрутасы, – яростно выкрикнула директриса. – Школьное имущество будут мне портить! Бессовестные!

В кабинет робко протиснулась Юлия Борисовна.

– Завхоза мне пригласи, пусть акт оформляет, – обратилась к ней Марина Викторовна.

– Уже бегу, – засемила к выходу пожилая женщина.

– Я вас из школы исключу, мелкие пакостницы, – прошипела директриса. – И учтите, в других учреждениях с вами столько нянчиться не будут. После первого же выкрутаса на улицу выпрут. Пошли отсюда, обе. В приемной ждите, пока на вас акт составят.

Из директорского кабинета девочки вышли красные, затравленные, с испуганными влажными глазами. Их тут же окружили одноклассницы, которые уже не смеялись, а искренне переживали за девочек.

– Че? Обещают исключить? – поинтересовалась Катя. – Не бойтесь, ничего не будет.

Они ведь за каждую из нас деньги получают. Так что будете спокойно дальше учиться.

И Катя оказалась права. Родители девочек заплатили полную стоимость шкафа, указанную в наспех составленном акте, но почему-то его так и не поменяли. Только вот Вера учиться в этой школе больше не могла. Она уговорила отца забрать документы и перевелась в другое учебное заведение. В старой школе осталась и Аня, Вера твердо решила больше с ней не общаться. И свое обещание сдержала. **GD**

